А.А. Сафонов
д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории права
и сравнительного правоведения Государственного
университета –Высшая школа экономики

ПРАВОВОЙ СТАТУС И СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНОСЛАВНЫХ ИСПОВЕДАНИЙ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

На протяжении двух столетий, с конца XVII и до конца XIX вв., в странах Западной Европы и США осуществлялся переход от конфессионального к светскому государству. На Западе движение в пользу установления светского государства являлось составной частью более широкого процесса перехода к демократии. Большинство конституционных актов, гарантировавших свободу вероисповедания, устанавливавших равенство прав граждан вне зависимости от их религиозной принадлежности и даже отделявших церковь от государства, принимались либо в ходе буржуазных революций (Великой французской революции 1789 г., Бельгийской революции 1830 г., европейских революций 1848-1849 гг.), либо в комплексе с мерами, обеспечивавшими демократизацию общества и государства.

Так, в Англии свобода совести была обеспечена в результате принятия серии правовых актов 1820-30-х гг., направленных на ликвидацию гражданских правоограничений в зависимости от вероисповедания: Акт об эмансипации католиков 1829 г., Акт о допущении гражданского брака наряду с церковным 1836 г. и др. В США в 1780-е гг., сначала в конституциях отдельных штатов, а затем в Билле о правах 1789 г., было зафиксировано отделение церкви от государства. В Германии свобода совести и вероисповеданий, свобода религиозных обществ, гражданское и политическое равноправие вне зависимости от вероисповедного состояния были провозглашены в имперской Конституции 1849 г. В Австрии, подобно Германии, граждане получили равные права вне зависимости от вероисповедания, а все важнейшие конфессии – право публичного отправления культа, что было закреплено в австрийской конституции 1867 г.[1] Вместе с тем, к концу XIX столетия конфессиональные основы религиозного законодательства еще сохранялась в целом ряде европейских государств, в том числе Российской империи, Скандинавии и на Пиренейском полуострове.

[1] Стецкевич М.С. Свобода совести. СПб., 2006. С. 120-155; Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. С. 57-68.

Профессор права Юрьевского университета М.Е. Красножен выделял в современном ему мире пять основных систем государственно-конфессиональных отношений. Определяющим фактором считалось наличие либо отсутствие законом установленной государственной религии:

1) в государстве признанием пользуется лишь одна христианская церковь, с исключением всех других;

2) одна церковь признается церковью государственной, остальные религиозные общества лишь терпимы, причем их членам предоставляется либо простое домашнее богослужение без участия духовного лица, либо квалифицированное домашнее богослужение с участием духовного лица, либо частное осуществление культа специально образованным религиозным обществом, но без всяких признаков публичности в виде особой архитектуры молитвенных зданий и колоколов;

3) наряду с одной религией, которая признается государством господствующей, и другим религиозным обществам предоставляется свободное публичное осуществление религиозного культа;

4) в государстве нет господствующей церкви, а существует две или более церквей, имеющих равные, паритетные, права;

5) государство не знает государственной церкви и государственной религии и, признавая свободу всех культов, не придает религии никакого значения.[1]

Для Российской империи была характерна третья модель государственно-конфессиональных отношений, которая утверждала неравный правовой статус конфессий, однако признавала, в определенной степени, их права на публичное отправление культа. Поскольку российское вероисповедное законодательство имело национальную основу, степень привилегированности того или иного вероучения определялась политическим значением национальной группы, которая его исповедовала.

Верхние ступени в вероисповедной структуре населения Российской империи, после православия, занимали признанные государством (терпимые) инославные христианские исповедания – римско-католическая, протестантская (реформаты и лютеране), армяно-грегорианская и армяно-католическая. Религиозная проповедь (прозелитизм) данных конфессий в православной среде категорически воспрещалась. Согласно Уставу духовных дел иностранных исповеданий (далее – УДДИИ), духовные и светские лица неправославных исповеданий были «строжайше обязаны не прикасаться к убежде-

[1] Красножен М.Е. Собрание сочинений. Юрьев, 1909. Т. 2. С. 131.

нию совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным».[1]

Законодательно устанавливалась градация между терпимыми христианскими и нехристианскими вероисповеданиями. Переход из первых в последние был юридически невозможен. Он мог быть осуществлен только «снизу вверх», из менее терпимых исповеданий в более терпимые. Переход из инославных исповеданий мог быть осуществлен только в православие, либо в другое инославное исповедание, к примеру, из баптизма, квалифицируемого государством как «вредное» исповедание, в католичество. Переход из одного терпимого христианского исповедания в другое был обусловлен, согласно УДДИИ, разрешением министра внутренних дел. Он являлся сферой административного усмотрения: прошение лиц, осуществлявших переход, визировалось губернатором, причем делалось этого без участия духовенства того исповедания, в которое проситель желал перейти; министр внутренних дел имел право решить судьбу просителя по своему усмотрению, в том числе и отказать (ст.6)[2].

За «отвлечение» от христианства в другую нехристианскую религию Уложение о наказаниях уголовных и исправительных[3] карало не менее сурово, чем за отступление от православия: виновный приговаривался к лишению прав состояния и к ссылке на каторжные работы сроком от восьми до десяти лет; в случае применения насилия срок ссылки увеличивался от двенадцати до пятнадцати лет. Инославным христианским исповеданиям дозволялось принимать нехристиан, добровольно желавших к ним присоединиться. Разрешение на это давал губернатор. Духовными лицами терпимых христианских конфессий практиковались «наставления в правилах своей церкви магометан и язычников», осуществлявшиеся всякий раз с особого разрешения министра внутренних дел[4].

«При таком порядке.., – констатировал профессор И.С. Бердников, – все терпимые исповедания в России отгорожены одно от другого прочной стеной, через которую можно проникнуть в ту или другую сторону только с посторонней помощью – государственного чиновника. Свободный доступ в ограду терпимых исповеданий доступен только православному чиновнику, да еще православному миссионеру. … Таким образом, по нашему закону и в терпимых исповеданиях отдельная личность так же прикрепляется к вере от-

[1] Свод законов Российской империи (СЗ РИ). 1896. Т. XI. Ч. I. Ст. 4.
[2] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I.
[3] СЗ РИ. 1892. Т. XV. Ч. I. Ст. 184.
[4] СЗ РИ. 1857. Т. XIV. Ст. 110.

цов своих, как и в вероисповедании православных, только в сравнительно меньшей степени»[1].

В управление инославными исповеданиями российское законодательство внесло ряд элементов государственной церковности. Ведение метрических записей о рождении, браке и смерти предоставлялось духовенству всех инославных церквей. Для всех христиан, за исключением баптистов и старообрядцев-раскольников, была обязательна религиозная форма брака, причем все брачные дела считались подсудными духовным управлениям соответствующих исповеданий. В инославных церквях была установлена духовная цензура для книг религиозного содержания, препятствовавшая возникновению и развитию там новых сект.[2]

Управление делами инославных исповеданий было сосредоточено в Министерстве внутренних дел, по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ). Деятельность терпимых вероисповеданий регламентировалась посредством издаваемых им нормативно-правовых актов – уставов. ДДДИИ был наделен обширными финансовыми, административными и контролирующими прерогативами. В его ведении находились вопросы назначения, смещения и перемещения священнослужителей, перехода из одной религии в другую и др. Перед этим ведомством ставилась задача следовать принципу «полной терпимости» в той мере, в какой она «может согласовываться с интересами государственного порядка»[3].

ДДДИИ был немногочисленным по составу, включая не более 40 чиновников. Особенностью этого органа являлась вероисповедная принадлежность его сотрудников. Служили в нем только православные чиновники и, в качестве редкого исключения, доказавшие свою абсолютную преданность трону «нужные инородцы», внештатно прикомандировывавшиеся к Департаменту. В его структуре имелось три отделения, ведавшие делами христианских и нехристианских конфессий. В отличие от других подразделений МВД, ДДДИИ не имел своих структур на местах и действовал через местных чиновников (губернаторов, городничих, полицмейстеров, уездных капитан-исправников и др.).[4]

Согласно УДДИИ, духовные дела христиан инославных исповеданий ведались их духовными управлениями, которые поступали «по правилам и

---

[1] Бердников И. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914. С. 12-13.

[2] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗ-II). Т. 7. № 5126. См. также: Нойтатц Д. Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Немцы России: энциклопедия / Ред. В. Кареев и др. Т. I. М., 1999. С. 694.

[4] Нойтатц Д. Департамент духовных дел иностранных исповеданий… С. 694

уставам своей веры» и в соответствии с государственными законами Российской империи (ст.3)[1].

Римско-католическая церковь в России состояла из двух архиепархий – Могилевской и Варшавской – и подчиненных им двенадцати епархий. Дела римско-католических епархий рассматривались Римско-католической духовной коллегией в Санкт-Петербурге – высшим органом управления католиками на территории Российской империи с 1803 г., подконтрольным государству. В вопросах веры высшая власть признавалась католиками за Папой Римским. В административных делах коллегия подчинялась Министерству внутренних дел, в судебных – Сенату и Министерству юстиции.[2]

Центральным органом евангелическо-лютеранской церкви являлась Генеральная евангелическо-лютеранская консистория в Санкт-Петербурге. Президент Генеральной консистории – светское лицо, обычно юрист по образованию – назначался императором. Члены Консистории утверждались в должностях министром внутренних дел, приносили присягу на верность императору и считались государственными чиновниками. Консистория находилась в тех же отношениях с министрами внутренних дел, юстиции и к Сенату, как и Римско-католическая духовная коллегия. С разрешения министра внутренних дел созывался генеральный евангелическо-лютеранский Синод, состоявший из депутатов от всех консисториальных округов. В подчинении Генеральной консистории находились пять местных консисторий – Петербургская, Московская и три прибалтийских (Лифляндская, Курляндская, Эстляндская). Она наблюдала за их деятельностью, правильностью отправления богослужений, порядком управления имуществами лютеранских церквей, являлась духовным судом и производила ревизию судебных дел, преимущественно бракоразводных.[3]

Армяно-грегорианская церковь управлялась патриархом, носившим титул верховного католикоса народа гайканского, а также состоявшим при нем Синодом, действовавшим на правах коллегии. Помимо патриарха в него входило четверо архиепископов и епископов и столько же архимандритов-вартапедов (т.е. ученых-докторов). В административных и судебных вопросах Синод подчинялся министру внутренних дел и Сенату.[4]

Правовое положение Римско-католической церкви в России на рубеже XIX-XX вв. определялось Уставом «О управлении делами христиан римско-католического исповедания». Содержание норм Устава было обусловлено

[1] СЗ РИ. 1897. Т. XI. Ч. I.
[2] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. 1. Ст. ст. 16-17(1), 27, 39, 75.
[3] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. 1. Ст. ст. 544-546, 562, 569, 570.
[4] Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 215.

двуединой задачей, решаемой законодателем в отношении католиков. Управление ими на территории империи должно было быть организовано таким образом, чтобы максимально оградить их от влияния Папы Римского[1]. Ввиду этого высшие католические иерархи, назначаемые императором по предварительному соглашению с Папой Римским, приносили присягу на верность сначала российскому государю и лишь затем римскому понтифику. Назначение кафедральных священников (прелатов и каноников) являлось прерогативой министра внутренних дел. По общему порядку занимать духовные должности могли только российские подданные, иностранцам это дозволялось в исключительных случаях по специальному разрешению епархиального начальства и министра внутренних дел, после дачи присяги в «верной службе и должном подданническом повиновении».[2]

Деятельность Евангелическо-лютеранской церкви регламентировал Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России, принятый в 1832 г.[3]. Правовое положение лютеран было, в сравнении с католиками, более привилегированным. Устав легализовал единую Евангелическо-лютеранскую церковь в России, дав мощный импульс ее развитию: строительству учебных и благотворительных заведений, образованию общин. В то же время деятельность лютеранских церквей была поставлена под бдительный контроль административных органов, одной из основных задач которых было недопущение прозелитизма лютеран в среде других конфессий (п.5).

Уставы Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей подвергли тщательной регламентации вопросы внутрицерковной жизни и имущественных прав церквей, прерогативы органов церковного управления, права и обязанности духовенства, предоставили светской власти серьезные рычаги влияния на религиозную жизнь инославных. Вместе с тем, наряду с правовыми ограничениями, связанными в первую очередь, с невозможностью распространения инославными своей веры в среде иных конфессий, они наделялись и рядом важных привилегий, приближавших их по статусу к первенствующей Русской православной церкви (далее – РПЦ).

Все христианское духовенство, включая инославное, объявлялось в Своде законов Российской империи привилегированным, неподатным сословием. Инославное духовенство, подобно православному, освобождалось от личных податей, воинской повинности и телесных наказаний[4], пользовалось

---

[1] Романовская Л.Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование). Дис. … канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2006. С. 146.

[2] СЗ РИ. 1896. Т.XI. Кн. 1. Ст. ст. 17, 27, 30, 49, 54.

[3] ПСЗ-II. Т. VII. № 5870.

[4] СЗ РИ. 1899. Т.IX. Ч. I. Свод законов о состояниях. Ст. ст. 373, 375, 394, 396, 421, 457, 486.

«правами чести» (к примеру, армянский партиарх-католикос выходил из своего дворца и ограды монастыря в сопровождении свой почетной стражи из армян[1]), получало за службу знаки отличия (ордена, наперстные кресты и др.)[2]. Согласно Своду законов о состояниях[3], дети духовных лиц обладали правом получения потомственного почетного гражданства (ст. 511), а духовенству всех инославных церквей на территории империи предоставлялось право вести метрические записи.

Инославным христианам дозволялось вступать между собой в браки по правилам и обрядам своих церквей, не испрашивая на то особого разрешения гражданских властей, но с соблюдением ограничений, установленных для тех или иных исповеданий. Указанные браки должны были совершаться духовенством той Церкви, к которой принадлежали вступавшие в супружество[4].

Инославное духовенство наделялось в России достаточно широким комплексом юридических прав. Н.М. Коркунов утверждал, что его положение в Российской империи было более привилегированным сравнительно со многими государствами Западной Европы, где метрические книги велись гражданскими властями, соблюдение религиозных обрядов крещения, венчания и отпевания признавалось необязательным, а брачно-семейные вопросы не подлежали ведению духовных управлений. При этом Коркунов ссылался на опыт Германской империи, Голландии и Швейцарского союза.[5]

Лютеранство и католичество занимали первое место в иерархии терпимых исповеданий, что было обусловлено их догматической близостью к православию. Однако положение лютеран в Российской империи было более привилегированным. Доверие государства к протестантам во многом объяснялось их политической лояльностью самодержавию, отсутствием в их среде сепаратистских националистических настроений, присущих католичеству в России. Еще со времен Ивана IV (Грозного) государство привлекало немцев-протестантов к обустройству различных сфер общественной жизни. Им предоставлялось право свободно исповедовать свою веру и беспрепятственно совершать богослужения. В Петровскую эпоху было положено начало бракам представителей царской семьи с августейшими семействами Европы, принадлежавшими к лютеранскому исповеданию. В пореформенный период (с 1865 по 1885 гг.) только по отношению к протестантам прибалтийских губерний было отменено требование о даче подписок при совершении браков с

[1] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I. УДДИИ. Ст.1129.
[2] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I. УДДИИ. Ст. ст. 104-106.
[3] СЗ РИ. 1899. Т.IX. Ч. I.
[4] СЗ РИ. 1892. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. Ст. 61.
[5] Новое время. 1899. № 3. С. 8371, 8377.

православными по поводу крещения и воспитания детей в православной вере.[1]. Только протестанты по российскому законодательству, могли вступать в брак с мусульманами и иудеями, с которых бралась подписка о воспитании детей в протестантской, либо православной вере.

К российским католикам государство относилось с большим недоверием, несмотря на то, что католицизм был наиболее близок к православию с точки зрения догматики, и более созвучен тому политическому строю, в сохранении которого усматривала свою миссию правящая династия. Римско-католическая церковь проявляла постоянное стремление к пропаганде католицизма среди русских, что, как уже отмечалось, воспрещалось не только католикам, но и всем иноверцам.

В исторической памяти русского духовенства хранилась информация об извечной вражде с «латинством» византийской церковной иерархии, на которую Русь ориентировалась вплоть до 1589 г., а также об уроне, который она понесла от католической Польши, предпринимавшей попытки к распространению «латинства» начиная еще с XIII в. и особенно активно в годы Смутного времени. Враждебное отношение к католической вере со стороны РПЦ представлялось как самозащита от натиска с его стороны[2].

Определяющим фактором в формировании жесткой позиции царского правительства по отношению к католицизму, в восприятии его как своего «внутреннего врага» и «политической ереси»[3], выступал «польский вопрос». Он обострился после польского восстания 1863-1864 гг., в очередной раз убедившего власть в стремлении поляков к политической независимости.

В последней трети XIX – начале XX вв. в правительственных сферах все чаще раздавались предложения «располячить костел» – ввести русский язык в католическое богослужение (речь шла о дополнительном богослужении, в котором допускались «местные языки»), устранив из него польский язык[4]. Предлагалось преподавать Закон Божий в польских учебных заведениях на русском языке, усилить правительственный надзор за римско-католическими семинариями и установить процентную норму для поступле-

---

[1] Красножен М.Е. Указ. соч. С. 8-9.

[2] Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан в России // Собр. соч. Юрьев, 1903. Т.1. С. 82; Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.). Дис. … докт. ист. наук. Саратов, 2005. С.236-260.

[3] Выдержки из всеподданнейшего отчета графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 503.

[4] Извлечение из всеподданнейшего отчета Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902-1903 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1037. Л. 146, 149 об.

ния в них поляков[1], закрыть римско-католические монастыри[2]. Высказывались даже радикальные предложения о совершенном упразднении католической церкви в Российской империи.

В мае 1905 г. Комитет министров определил римско-католическую церковь как «воинствующую», а ее священнослужителей, как проявляющих стремление «к пропаганде как католицизма, так… и полонизма» среди православного населения Западных и Привисленских губерний. В то время готовился указ о предоставлении министру внутренних дел права наказывать служителей римско-католической церкви: вносить предложения о наказании ксендзов, снимать с должности епископов за отказ подвергнуть ксендзов предложенному взысканию, либо за наложение его в недостаточном объеме[3].

Сходным правовым ограничениям, что и римско-католики, подвергались в Российской империи армяно-католики. Согласно уставу «О управлении духовными делами христиан армяно-католического исповедания» они были организованы в отдельную общину и подчинялись Тираспольскому римско-католическому епископу. Непосредственное управление делами Армяно-католической церкви было сосредоточено в Армяно-католическом духовном правлении в г. Тифлисе. Должностные лица правления назначались и увольнялись с должности Тираспольским епископом по согласованию с министром внутренних дел.[4]

Особое место в иерархии вероисповеданий империи занимала Армянская грегорианская церковь, поскольку она была церковью чисто национальной, а ее первосвященник – армянский католикос – распространял свои полномочия на всех армян, разбросанных по земному шару. Статус армянской церкви убеждал правительственные круги России в стремлении армян к политической автономии. В качестве главных виновников распространения сепаратистских настроений в армянской среде правительство рассматривало самих армяно-грегорианских священнослужителей, по отношению к которым была выработана серия ограничительных норм. 16 марта 1891 г. были утверждены правила «О применении карательных мер в административном порядке к армяно-грегорианским священнослужителям», 12 июня 1903 г. – положение Комитета министров о передаче имущества, принадлежавшего армяно-грегорианской церкви и монастырям, в заведование Министерства земледелия и государственных имуществ. Подобная политика вызывала недоволь-

---

[1] Извлечение из всеподданнейшего отчета генерала Каханова по управлению Северо-Западным краем с 14.01.1884 г. по 1.08.1886 г. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1037. Л. 154.

[2] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 210-211.

[3] РГИА. Ф.1405. Оп.543. Д.1037. Л.165 об.- 166.

[4] СЗ РИ. 1896. Т. XI. Ч. I. Ст. ст. 238, 239, 242, 243.

ство со стороны армянского духовенства, стремившегося оказать сопротивление царскому правительству в его желании «подчинить себе духовную жизнь Армении».[1]

Таким образом, российское законодательство по отношению к христианским инославным исповеданиям на рубеже XIX – начала |XX вв. базировалось на трех ключевых принципах: определенной религиозной самостоятельности конфессий, их государственного администрирования и веротерпимости.

Религиозная самостоятельность инославных исповеданий заключалась в предоставленном им праве свободно исповедовать свою веру и исполнять культовые обряды. Управление конфессиями являлось составной частью системы административного управления. Все исповедания находились в подчинении государственного ведомства – Департамента духовных дел иностранных исповеданий в составе Министерства внутренних дел. Терпимость, как принцип государственной политики по отношению к инославным, заключалась в том, что государство уважало и узаконивало отдельные нормы их канонического, брачно-семейного и наследственного права, включало их в общественно-экономическую и правовую жизнь, учитывало и охраняло некоторые их религиозные интересы. Инославное духовенство выделялось в привилегированное духовное сословие.

Правового равенства инославных исповеданий также не существовало. Каждая инославное исповедание обладало собственным специфическим имущественным и политическим положением, а также объемом прав, привилегий и ограничений. Ограничительные и дискриминационные меры царского правительства по отношению к инославным, иноверцам, старообрядцам и сектантам порождали недовольство правительственной властью в их среде, существенно осложняли процесс их инкорпорации в российское правовое пространство. В результате требование законодательного расширения веротерпимости и провозглашения свободы совести стало одним из самых популярных политических требований Первой русской революции.

---

[1] Дякин В.С. Указ. соч. С. 692-739; Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 25-26.